

Кин застыл, а на его лице появилось глупое выражение. Казалось, он задаётся вопросом, правильно ли всё расслышал. Кин то открывал, то закрывал рот, а затем, запинаясь, попытался переспросить. Но я не хотела повторять эти слова, поэтому решила перейти к следующей теме. Я же сказала ему слушать внимательно, потому что скажу это один раз.

— Ты сказал, что считаешь себя виноватым в том, что живёшь только благодаря моей способности, но я думаю иначе.

Как тебе удалось так хорошо сказать такую постыдную вещь? Думаю, что когда я была ребёнком, то спокойно говорила подобные вещи. Сейчас же я чувствовала, как во рту пересохло. Но я набралась смелости, потому что мне было что сказать Кину.

— Встреча с тобой было лучшим событием в моей жизни.

На мгновение я перестала дышать, потому что внезапно появились головная боль и тошнота. Пришлось притвориться, что мне не больно. Только тогда я смогла бы донести до Кина именно то, что хотела сказать. И он тоже смог бы правильно воспринять мои слова. Без каких-либо других чувств, таких как сожаление или вина.

— Даже если бы я снова вернулась в прошлое, зная, что произойдёт, то всё равно бы приняла лекарство. А потом ты бы пришел ко мне, и я снова полюбила бы тебя.

Глаза Кина широко раскрылись. На его спокойном лице отразилось волнение. Время от времени на меня накатывала волна боли, но я старалась притвориться, что всё в порядке. Я изо всех сил пыталась контролировать выражение своего лица, чтобы не выдать себя.

— ...Ты мне так нравишься, я не хотела быть пятном на твоей жизни. Вот почему я так ужасно себя вела с тобой.

— Как ты можешь быть пятном?

Эти слова заставили меня засмеяться. Было забавно, что Кин, который по-прежнему не объективен, знает только, как сказать слова, чтобы поддержать меня. После смешка я почувствовала лёгкую горечь во рту. С небольшой тяжестью на сердце я продолжила говорить о своих искренних чувствах Кину.

— Думаю, я всё-таки не очень хороший человек.

В его глазах застыл вопрос. Было очевидно, что он спрашивал сам себя, почему я заговорила об этом.

— Я хочу пойти с тобой на настоящий бал, а не маскарад, — я продолжила говорить о том, что хотела бы сделать с Кином. — Хочу читать вместе книги. В прошлый раз ты говорил, что

хочешь пойти со мной на фестиваль, который состоится осенью. Я тоже хочу туда поехать.

— ...

— Осенний фестиваль проводится каждый год. И каждый раз он будет проходить по-разному, и я хочу увидеть своими глазами, какими будут отличия. И свёкор сказал, что испечёт мне черничный пирог. Так что я хочу посмотреть, как вы вместе это делаете. Хочу попробовать этот пирог. Конечно, даже не попробовав его, я уверена, что черничный пирог свёкра будет вкуснее, но я скажу, что тот, который приготовил ты, мне больше понравился.

Когда я сказала Кину, что пирог его отца будет вкуснее, он переспросил:

— Что? Подожди. Я подозревал, что ты общалась с моим отцом, но он тебе такое сказал? Что? Думаю, ты неправильно всё поняла, отец не умеет готовить. Ты заблуждаешься, думая, что он хорош в этом.

— А... Отец попросил меня сохранить этот разговор в секрете.

В попытке быть честной и откровенной с ним, я раскрыла Кину содержание нашей со свёкром беседы. Со смущённым видом я попыталась сменить тему.

— Это не важно, так что давай просто пропустим это...

Лицо Кина стало сердитым и недовольным. Он выслушал мои слова о том, что я хочу пропустить эту тему, но, похоже, не был с ними полностью согласен. Хм, или нет? Как мне закончить свою речь? Тело болело, а намерение поговорить было разбито вдребезги. Я никак не могла произнести: «Я хочу остаться с тобой». Поэтому просто пыталась говорить намёками. Кин спокойно ждал, что я ещё скажу. И когда я продолжила изъясняться расплывчатыми намёками, не договаривая до конца, он, наконец, закончил мою речь.

— Если ты этого хочешь, то сделай. Подумай, чего ты ещё желаешь. Как насчёт составить список из ста вещей, которые мы хотим делать каждый год, и выполнять их вместе?

«Не обязательно делать сто вещей... В году триста шестьдесят пять дней, разве не придётся прилагать много усилий, что успеть сотню дел?» — робко возразила я мысленно.

— Давайте посмотрим, как проходят осенние фестивали и в других регионах, не только в этом. Можно узнать, какие праздники есть в других странах, и отправиться развлекаться туда.

Кин осторожно взял меня за руку. Моя ладонь мягко легла на его большую. Мы словно держались за руки в танце.

— Ты ещё не выучила все танцы, поэтому тебе нужно больше практиковаться. Неинтересно, если ты просто научишься танцевать, так что я обучу тебя играть на музыкальном инструменте. Если ты хочешь что-то ещё узнать, я найду учителя и всё тебе расскажу.

Кин мягко и ритмично покачал мою руку, словно в танце, а затем осторожно опустил её обратно.

— Чтобы сделать всё это даже ста лет не хватит, верно?

— ...

— Поскольку, вступая в брак, мы поклялись любить друг друга сто лет (1), ты должна прожить со мной всё это время, даже если тебе это не нравится.

Слова Кина были совсем не точны, потому что брачная клятва означает, что вы останетесь вместе до конца своих дней, а не будете жить друг с другом сто лет. Но я слушала его молча. Я хотела прожить с Кином сто лет, как он и сказал. Я едва кивнула в ответ на его слова, а затем хихикнула и рассмеялась. Боль уменьшилась, похоже, наконец-то начало действовать обезболивающее, которое я приняла ранее. Непринуждённо улыбнувшись, я встретилась взглядом с Кином.

— Сто лет. Вот как. Я должна прожить так много, ведь я дала обещание.

— Да, сдержи свое обещание.

Когда я ответила: «Постараюсь», Кин мило улыбнулся, похоже, он был доволен. Затем он протянул руку и погладил меня по голове.

— Ты выглядишь усталой, теперь спи спокойно.

Слова Кина казались каким-то волшебством. Сознание, которое металось туда-сюда между болью и сонливостью, постепенно затуманивалось. Я почувствовала слабость и закрыла глаза. Сто лет. Я постараюсь прожить столько. Дав это обещание, я отключилась.

Наступило утро. Я не сразу поднялась, а какое-то время лежала и просто смотрела в потолок. Когда я проснулась, то услышала, как Кин работает в углу за столом. Ему пришлось бросить все дела, чтобы находиться рядом со мной. Мне было грустно видеть, как он, занятый настолько, что времени даже на сон не было, работает очень, чтобы не разбудить меня. Было очевидно, что, если Кин узнает, что я проснулась, то бросит всё и кинется ко мне.

Притворившись спящей, я снова закрыла глаза и не шевелилась. Я дышала очень тихо. Мне не хотелось мешать Кино. Увидев это, я снова пришла в замешательство. Если бы он женился на человеке, от которого бы было больше пользы, чем от меня, то был бы более расслабленным и свободным, чем сейчас.

Такие мрачные мысли вошли в привычку. Я пыталась избавиться от них. Утром мысли, спрятанные глубоко во тьме, снова вернулись. Прошло всего несколько часов с тех пор, как я пообещала жить с Кином. Почему я снова и снова занимаюсь самобичеванием? Мне с трудом удалось остановить себя. Я должна мыслить более продуктивно и позитивно. Мне пришлось заставить себя думать о другом, чтобы избавиться от этого въедливого и изнуряющего самоистязания. Не уверена, правильное ли это решение, но я была полна решимости жить дальше.

Я продолжала думать о том, в чем могу быть полезна. Мое тело болело, но я не хотела утонуть в своих мрачных мыслях. У меня не хватило сил сделать это. Закрыв глаза и спокойно дыша, я изо всех сил старалась избавиться от негативных мыслей.

«Что мне делать, если я хочу жить рядом с Кином и быть полезной ему?»

Этого вопроса я избегала, думая, что я ничего не могу сделать. Но теперь это было просто неизбежно. Чтобы стать полезной, сперва я должна начать выполнять свою роль как человеческое существо. В этом смысле прошлая я была полностью исключена из этого, потому что родилась без способности и не умела с ней обращаться.

«...Теперь всё по-другому».

Сейчас всё полностью отличается от того, что было раньше, когда я думала, что у меня нет способности. Я узнала, в чем заключается моя сила, и как с ней обращаться. Другими словами, теперь я могла быть, по крайней мере, обычным человеком, выполняющим свою роль.

«Регистрация способности».

Чтобы начать нормально жить как обычный человек, нужно зарегистрировать свою силу. Это система, созданная для управления людьми, обладающими способностями в стране. Обычно регистрация проходит в возрасте шести лет, когда проявляется сила. Затем выдают свидетельство. Регистрационная карточка также являлась удостоверением личности, гарантирующим гражданство Империи.

У меня не было способности, поэтому меня не поставили на учет. Значит, не было и регистрационного удостоверения. Пожалуй, я была единственным человеком, у которого не было свидетельства в двадцатилетнем возрасте. Возможно, будет нелегко зарегистрировать эту способность, потому что это уникальный случай. Нужно будет многое доказать. Могут возникнуть трудности. Но это нужно сделать.

Я медленно открыла глаза и проверила, какой сейчас час. Приближалось время, когда мы с Кином обычно завтракали. Я медленно выпрямилась и села. Благодаря восстановлению большого количества энергии тошнота прошла, поэтому сидеть было намного легче.

Когда я поднялась со своего места, раздался шорох. Услышав этот звук, Кин рефлекторно повернул голову. Я посмотрела прямо на него. Лицо Кина всё ещё выглядело измождённым, но его красота не потеряла своего блеска. Скорее, наоборот, обострившиеся черты и болезненный вид придали ему таинственности. На мгновение я застыла от поразившей меня красоты.

Кин подошел ко мне. Чем ближе он был ко мне, тем сильнее я ощущала запах сирени. Из-за того, что Кин похудел, линия подбородка стала чётче. Засмотревшись на его красивое лицо, я даже забыла о том, что хотела сказать, и разозлилась. Как меня могла зачаровать просто его внешность? Похоже, как только мое тело ослабело, зрение и концентрация тоже упали. Я видела это лицо каждый день, но сейчас оно кажется совсем другим.

Мысленно помотав головой, я пришла в себя. В голубых глазах Кина застыл вопрос. Я чётко сообщила о своем намерении.

— Я хочу получить регистрационную карточку.

Услышав мои неожиданные слова, Кин напрягся. Он словно задавался вопросом, почему я это сказала. У него был такой растерянный взгляд, что я вздохнула. Я могла его понять. Человек, который дрожал и нервничал перед тем, как заснуть, вдруг заговорил о том, что хочет зарегистрировать свою способность, как только открыл глаза. Та, которой сейчас трудно даже есть.

Я коснулась мутных глаз Кина. Пытаясь кратко выразить свои мысли, я немного смутилась. Какое-то время я подбирала слова, а затем пояснила:

— Думаю, мне это нужно, чтобы жить с тобой.

В детстве я могла сказать Кину о том, что он мне нравится. Как мне это удавалось сделать это так легко? Мне стыдно говорить это сейчас. Когда я сказала это, лицо Кина стало серьёзным. Я думала, что ему понравятся мои слова, поэтому смутилась, увидев это. По сравнению с выражением лица его голос был таким же мягким, как обычно.

Примечание.

(1) На корейском клятва верности звучит как 백년백년, что дословно означает сто лет 백 и брачный обет백.

<http://tl.rulate.ru/book/52588/2730618>